

Научная статья

УДК 821.054.7.0

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-192-208>

<https://elibrary.ru/TIVHVN>

ГЕОРГИЙ АДАМОВИЧ: ОТ «РУССКИХ НОВОСТЕЙ» К «РУССКОЙ МЫСЛИ»

© 2024 г. О.Р. Демидова

Аннотация: В статье, основанной на эпистолярных источниках 1940-х–1950-х гг., на общем историко-культурном фоне реконструируется один из значимых периодов жизни Георгия Адамовича, пришедший на время острых политических и идеологических противостояний послевоенных лет. Хронологические границы статьи заданы годами сотрудничества Адамовича в просоветской газете «Русские новости», с одной стороны, и началом его сотрудничества в демократической «Русской мысли», с другой. Задачей предпринятого исследования является детальная реконструкция событий общественной и литературной жизни парижской ветви эмиграции первой волны с мая 1945 до марта 1956 гг., осуществленная в процедурах сравнительного историко-литературного анализа переписки Адамовича с А.В. Бахрахом, И.А. и В.Н. Буниными, А.А. Поляковым и переписки Буниных с Тэффи. Сопоставление писем участников переписки позволяет выявить причины зазоров во внутриэмигрантской коммуникации, прояснить специфику редакционных противостояний и воссоздать эволюцию отношения Адамовича к обеим газетам.

Ключевые слова: эпистолярные источники, переписка, адресат, газета, демократическая газета, просоветская газета, сотрудничество, общественное мнение, репутация, выбор.

Информация об авторе: Ольга Ростиславовна Демидова — доктор философских наук, профессор кафедры философии Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, Петербургское шоссе, д. 10, 196605 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2281-4059>

E-mail: ord55@mail.ru

Для цитирования: Демидова О.Р. Георгий Адамович: от «Русских новостей» к «Русской мысли» // Emigrantica. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 192–208. <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-192-208>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

GEORGII ADAMOVICH: FROM “RUSSKIE NOVOSTI” TO “RUSSKAIA MYSL”

© 2024. Olga R. Demidova

Abstract: The paper, based on epistolary sources of the 1940s–1950s, reconstructs Georgy Adamovich’s life and literary activities against the general historical and cultural background during the period of the most acute political and ideological conflicts of early post-World War II years. The chronological boundaries of the paper embrace the time of Adamovich’s collaboration with “Russkie novosti”, a pro-Soviet newspaper, on the one hand, and the beginning of his collaboration with the democratic “Russkaia mysl”, on the other. The aim of the paper is to present a detailed reconstruction of social and literary events of the Parisian part of the diaspora from May 1945 through March 1956, the reconstruction being based on a comparative historical and literary analysis of Adamovich’s correspondence with A.V. Bakhrakh, A.A. Poliakov, and the Bunins, as well as of Bunins’ correspondence with Teffi. The analysis of the correspondence makes it possible to reveal the causes of communication gaps in the diaspora, to clarify the specifics of conflicts in the editorial boards of the said newspapers, and to reconstruct Adamovich’s attitude towards both newspapers.

Keywords: epistolary sources, correspondence, addressee, newspaper, democratic newspaper, pro-Soviet newspaper, collaboration, public opinion, reputation, choice.

Information about the author: Olga R. Demidova, DSc in Philosophy, Professor of Philosophy Department, Pushkin Leningrad State University, Peterburgskoje road 10, 196605 St.-Petersburg, Russia.

ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2281-4059>

E-mail: ord55@mail.ru

For citation: Demidova, O.R. "Georgii Adamovich: From 'Russkie Novosti' to 'Russkaia Mysl'.'" *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrub, manag. ed. M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 192–208. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-192-208>

В статье представлена основанная на эпистолярных источниках реконструкция событий от мая 1945 г. до марта 1956 г., от первой публикации Георгия Адамовича в просоветских «Русских новостях» (эссе «Конец разговора», 18 мая 1945 г.) до рецензии на нью-йоркское издание «Избранного» В.В. Розанова (3 марта 1956 г.), с которой началось его сотрудничество в непримиримо антисоветской «Русской мысли»¹. Статья основана на четырех эпистолярных корпусах: письмах Адамовича 1945–конца 1956 гг. к А.В. Бахраху и А.А. Полякову, его переписке второй половины 1940-х–начала 1950-х гг. с И.А. и В.Н. Буниными и переписке Буниных с Тэффи этого же периода. Письма Адамовича Бахраху и Полякову цитируются по копиям с оригиналов, хранящихся в собрании Бахметевского архива², с указанием фамилии адресата и даты письма в тексте и с сохранением особенностей авторской орфографии и пунктуации; переписка Адамовича с Буниными, опубликованная в первом томе продолжающегося издания «И.А. Бунин: Новые материалы» [10, с. 8–164], и переписка Буниных с Тэффи, опубликованная во втором и третьем выпусках альманаха «Дiaspora: Новые материалы» [11, с. 477–584]; [12, с. 536–626], цитируются по этим изданиям.

Выбор эпистолярных источников для анализа обусловлен причинами двоякого рода: во-первых, приверженностью эмиграции

¹ Подробнее об обоих изданиях см.: [5, с. 565–567, 560–565].

² The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff) at Columbia University. Mss Coll. Bacherac. Box 1. Folders 1–16. Adamovich; Mss Coll. A.A. Poliakov. Box 1.

к классической русской эпистолярной традиции, весьма значимой составной частью которой являлась дружеская переписка литераторов; во-вторых, сложившимся в послевоенные годы положением дел, при котором существенно расширилась функциональная парадигма эпистолярная³. Не случаен и выбор участников анализируемой переписки: парижане Бахрах, Бунин и Тэффи, как и Адамович, были сотрудниками «Русских новостей»; Поляков, в межвоенные годы — один из членов редакции демократических «Последних новостей» П.Н. Милюкова, в 1942 г. перебрался в Америку и с тех пор представлял нью-йоркскую часть диаспоры, выражая ее позицию в противостоянии послевоенным «большевизанским» настроениям парижан, как их понимали в Нью-Йорке. Кроме того, Бунин, Тэффи и Поляков представляли старшее поколение эмиграции, по отношению к которому Адамович держался подчеркнуто уважительно и сдержанно, тогда как Бахрах не только принадлежал к одному с Адамовичем поколению, но и был его близким приятелем, в значительной мере разделявшим его взгляды, что давало Адамовичу большую свободу в выражении своего мнения по поводу политики газеты и отношений внутри редакции⁴. Таким образом, соположение писем ко всем этим адресатам позволяет представить два противоположных взгляда на события: изнутри (из Парижа и из редакции газеты) и извне (из Нью-Йорка) и воссоздать историю сотрудничества Адамовича в «Русских новостях» во всей ее многомерности⁵ и неоднозначности, а также отношение сотрудников газеты к «Русской мысли»⁶.

Из многочисленных сюжетов, являющихся предметом обсуждения в письмах, в статье рассматриваются три: а) связанный с отношением общественного мнения, как парижского, так и нью-йоркского, к участию бывших сотрудников демократических «Последних новостей» в просоветских «Русских новостях» и с реакцией Адамовича на него; б) касающийся эволюции отношения Адамовича к газете, ее редакционным установкам и разного рода противо-

³ О феномене эмигрантской переписки, ее роли и специфике в военный и послевоенный периоды см.: [3, с. 314–326]; о традиции дружеской литературной переписки в русской культуре см.: [7].

⁴ Подробнее об эпистолярных стратегиях Адамовича см.: [2].

⁵ См., напр., письма Адамовича Бунину от 18 апреля 1945 и 11 декабря 1946 гг. [10, с. 48, 53].

⁶ См., напр., недатированное письмо Тэффи Бунину от начала августа 1947 г., в котором газета, издававшаяся с апреля того же года, названа «Епархиальными ведомостями» [11, с. 541] и др.

стояниям внутри редакции; в) воссоздающий историю неосуществленного замысла создать в Париже новую газету, политически и идеологически отличную от «Русских новостей», с одной стороны, и от возникшей весной 1947 г. «Русской мысли» — с другой (очевидно, что эта неудача явилась одной из причин обращения Адамовича к «Русской мысли»).

Как известно, участие в издававшемся при активной поддержке советского посольства еженедельнике «Русские новости» значительной частью диаспоры рассматривалось в рамках развернувшегося после войны противостояния советофильским настроениям⁷, вследствие чего не приветствовалось ни в Париже, ни — особенно — в Нью-Йорке и для сотрудников было связано с существенными репутационными потерями. Именно поэтому тема «подмоченной репутации» становится одной из сквозных в письмах бывшего сотрудника «Последних новостей» парижанина Адамовича бывшему выпускающему этой газеты и бывшему парижанину, а в 1945 г. русскому американцу Полякову. Для Адамовича участие в «Русских новостях» стало результатом осознанного выбора, основанного как на сложившемся в послевоенном Париже положении дел⁸, так и на том, что газета была единственным из двух имевшихся в 1945 г. парижских русскоязычных изданий, сотрудничество в котором он считал для себя возможным; вторая, «Советский патриот», была для Адамовича совершенно неприемлемой.

Впервые вопрос об участии в «Русских новостях» возникает в письме Полякову от 20 июля 1945 г., из которого со всей очевидностью вычитывается контекст ситуации; ср.: «Ваш иронический вопрос о сменевеховстве — для меня ясен в смысле Вашего отношения к нашим здешним настроениям. Спорить не стоит и не к чему. Но знаете, самое грустное во всем этом то, что если бы мы были в Нью-Йорке, то думали бы как Вы, а Вы, если бы были в Париже, думали бы, как мы. Исключений нашлось бы немного. “Бытие опреде-

⁷ Подробнее об этом см.: [1, с. 146–158]; [3, с. 305–313].

⁸ См., напр., письмо Полякову от 27 августа 1945 г.: «Здесь все друг друга травят, а правит бал, вместо сатаны, Полонский, чуть-чуть рехнувшийся, по-моему. На мой взгляд, за последнюю четверть века все люди и во всех странах так оскандалились, что надо бы устроить общее чаепитие и со слезами и объятьями всем во всем покаяться и поставить на этом точку. Люди сохраняют благородство только при тихой погоде» [14, б. 1]; впоследствии Адамович возвращается к этой мысли в письме от 7 октября 1954 г.: «Вообще в Париже нищета и стоны со всех сторон. По-моему, на всем прошлом надо поставить крест и во всяком случае не отказывать никому в деньгах, пока где-то деньги есть» [14, б. 1].

ляет сознание”, т. е. не совсем бытие, а среда, воздух, окружение, — и сознание вовсе не так свободно, как считает себя». Тема получает продолжение в письме от 29 мая 1947 г.: «О газете нашей не пишу, зная Ваше к ней отношение. <...> политика — чепуха, и если бы Вы здесь были, то многое истолковали бы иначе. Если не разумом, то инстинктом. Здесь положение такое, что “или — или”. А второе “или” — это бывшие немецкие друзья» [14, б. 1].

В переписке с Поляковым Адамович достаточно мягко объясняет ему свою позицию и внешние причины принятого решения, пытается не столько сделать адресата своим единомышленником, сколько убедить его в экзистенциальной обусловленности и неизбежности подобного выбора и если не «снять», то хотя бы предвосхитить и по возможности смягчить те зазоры в коммуникации⁹, неизбежность которых ему исходно ясна. В письмах более близкого ему по возрасту, статусу и образу мыслей Бахраху Адамович значительно менее сдержан, позволяя себе дать волю накопившемуся раздражению из-за необходимости объяснять очевидное и оправдываться перед людьми, находящимися в совершенно иной жизненной ситуации. Пересказывая в недатированном письме августа 1949 г. разговор с М.А. Алдановым, постфактум выразившим неодобрение принятого Адамовичем в 1945 г. решения («Признаюсь, Г<еоргий> В<икторович>, я был очень огорчен, узнав что Вы в эту газету вступили...»), Адамович с негодованием восклицает: «Т. е. в 1945 году! На что я ему бурно возразил, что от тогдашнего желания целоваться со Сталиным не отрекаюсь!» [13, б. 1]. Это «прегрешение» Адамовичу поминали еще довольно долго; так, 11 августа 1952 г. он извещает Бахраха о том, что «визу в Англию <...> получил, на этот раз беспрепятственно. Но коллаборация со Ступницким и Ратнером очевидно все еще остается пятном на репутации. Об Америке лучше вероятно и не помышлять, да я и не очень туда рвусь, несмотря на зазывания» (курсив мой — О.Д.) [13, б. 1]

В конце 1949 г. Адамович уходит из газеты, о чем сообщает Полякову 8 февраля 1950 г.: «От Ступницкого я ушел еще два месяца назад. <...> просто напросто было невозможно дольше терпеть его казенно-одобрительный тон в отношении всего московского», а 4 июля того же года впервые спрашивает о возможности сотрудничества в «Новом русском слове»¹⁰: «Будьте так добры, сообщите мне конфи-

⁹ О феноменологии, причинах и следствиях коммуникационных зазоров в процессе переписки см.: [6].

¹⁰ Подробнее о газете см.: [5, с. 255–258].

денциально Ваше мнение, могу ли я писать в “Новом Русс<ком> Слове”¹¹. <...> Ответьте мне пожалуйста вполне откровенно. Может ведь случиться, что меня у Вас считают большевиком. Может быть и то, что у Вас и без меня парижан достаточно и они Вам надоели. Отсюда мне все это плохо видно. А нарываться на отказ, хотя бы и вежливый, я не хочу, хотя особо чувствительным самолюбием никогда не страдал» [14, б. 1]. В этом же письме он еще раз упоминает о своем уходе из «Русских новостей», в известной мере представляя его как достойный уважения поступок, совершенный вопреки внутри-редакционному общественному мнению: «Я все-таки доволен, что оттуда ушел, хотя многие (Тэффи, между прочим) находят <sic! — О.Д.>, что это было донкихотство и глупость» [14, б. 1].

Через несколько лет, уже сотрудничая в «Новом русском слове» и размышляя о возможности сотрудничества в «Русской мысли», Адамович вновь возвращается к оценке своего участия в «Русских новостях», ср.: «Кстати, я ничуть не раскаиваюсь в своем участии в “Р<усских> Нов<остях>” и продолжаю считать, что *тогда* это было правильно. М<ожет> б<ыть> только ушел я оттуда поздно, надо было бы раньше!» (письмо от 11 февраля 1956 г.) [14, б. 1] (курсив Адамовича — О.Д.).

Впрочем, «Русские новости» достаточно долго оставались предметом обсуждения в переписке с Нью-Йорком: во-первых, их судьба явно интересовала Полякова, во-вторых, была связана с возможностью создания новой газеты, некоей «третьей силы», которая смогла бы стать влиятельным явлением парижской послевоенной периодики как своего рода противовес и «Русским новостям», и «Русской

¹¹ Тема участия в нью-йоркском «Новом русском слове» впервые возникла в переписке Адамовича с Поляковым еще в 1941 г., однако тогда инициатива исходила от Полякова, и Адамович объяснял ему причины своего нежелания сотрудничать в газете; ср. письмо от 7 июля 1941 г.: «Вы спрашиваете отчего я не пишу в “Н<овом> Р<усском> С<лове>”. Что писать? Зачем и для кого? Деньги мне, конечно, нужны до зарезу, но я интересуюсь только деньгами немедленными, а сочинять ерунду, чтобы через месяц получить 50 фр. не способен» [14, б. 1]; но и в 1950-е гг. Адамович не рассматривал нью-йоркскую газету как адекватную замену парижской и предпринимал весьма активные усилия по созданию нового и по возможности не зависимого от политической конъюнктуры печатного органа эмиграции в Париже; ср. его письмо Полякову от 14 апреля 1951 г.: «Кстати, сейчас есть дело: о будущей газете. Я очень запустил сотрудничество в “Н<овом> Р<усском> Сл<ове>. <...> Когда газета здесь, то и пишешь аккуратно. А за тридцать земель — не то» [14, б. 1]; в подготовленной Р. Хагтландом аннотированной библиографии публикаций Адамовича, к сожалению, далеко не полной, указано, что первая его статья «Бунин», посвященная 80-летию Бунина, была опубликована в газете 29 октября 1950 г. [8, с. 37].

мысли», ход в которую для сотрудников первого из упомянутых изданий достаточно долго был закрыт (для Адамовича сотрудничество в «Русской мысли», вероятно, было невозможно при жизни Бунина еще и из чувства солидарности с ним¹²).

С одной стороны, Адамович уверен в том, что, если бы «Русские новости» прекратили существование, новая газета появилась бы достаточно скоро, поскольку все бывшие сотрудники «Последних новостей» перешли бы в нее из просоветского издания, образовав костяк редакции; ср. письмо Полякову от 4 июля 1950 г.: «“Р<усские> Н<овости>” то совсем при смерти, то оживают. Сейчас как раз кризис. Если бы они лопнули, то новая газета возникла бы через... неделю или две. Но могут они и опять ожить» [14, б. 1]¹³. 18 ноября 1950 г. Адамович сообщает, что «Русские новости» «будто бы при последнем издыхании (по словам Влад<имира> Андр<еевич>а) <Могилевского — О.Д.>, но длится это издыхание уже давно и все ни к чему не приводит» [14, б. 1]. 20 апреля 1952 г. пишет: «Кстати, чем и как существуют “Р<усские> Н<овос>ти” даже Могилевский не понимает. Там нищета, а все-таки какой-то приток есть. Но почему нищета, если приток — тот, о к<ото>ром все думают?» [14, б. 1].

Действительное и далеко не блестящее положение дел в газете Адамович обсуждает в письмах к Бахраху 1948 — начала 1950-х гг. Письма позволяют воссоздать расстановку сил и зреющее противостояние различных групп внутри редакции, финансовые осложнения, по слухам, вызванные не только сокращением дотаций из «высоких сфер», т. е., советского посольства, но и различными махинациями некоторых членов редакции, недовольство Адамовича редакционной поли-

¹² Причиной, обусловившей невозможность сотрудничества Бунина в «Русской мысли», стал выход его из парижского Союза русских писателей и журналистов в 1947 г., вызвавший раскол в общественном мнении писательского сообщества и приведший к разрыву отношений с Б. Зайцевым; подробнее см.: [4].

¹³ Ср. недатированное письмо к Бахраху, в котором Адамович подробно пересказывает свой разговор с Алдановым о направлении и составе участников планирующейся новой газеты: «О нашем <курсив Адамовича — О.Д.> приглашении в этот возможный орган — ни слова. Я, конечно, тоже ни слова. Наоборот, он даже что-то мельком сказал о “клевете”, будто газета Павловского будет продолжением “Рус<ских> Нов<остей>” — “в смягченном виде, без Ступницкого”. Очевидно, и этот смягченный зелюко-михельсоновский вид “Р<усских> Н<овостей>” для него и для них вообще неприемлем» [13, б. 1]; см. также письмо Адамовича, уже ушедшего из «Русских новостей», Бахраху, еще продолжавшему сотрудничество в газете, от 8 февраля 1950 г.: «Пусть “Русс<кие> Нов<ости>” лопнут хоть завтра — перерыв не так страшен, а он не может длиться очень долго. Завтра “Р<усские> Н<овости>” все-таки не лопнут» [13, б. 1] (курсив Адамовича — О.Д.).

тикой и внутренней цензурой и пр. (письма от 29 июня и 9 сентября 1948 г.). Все это способствовало уходу из газеты сначала Адамовича, а через некоторое время — и Бахраха. Вероятно, мысль об уходе окончательно сложилась к осени 1949 г.; см. письмо к Бахраху от 3 сентября 1949 г.: «Я пишу Суворову, на шести больших страницах. Крик больной души. Очень интересно, какой будет ответ. Смысл моего письма: это не ультиматум а просьба о совете — как быть при моем *решительном* несогласии с Вашей программой? И предложение в виде дружеского совета с моей стороны: программу эту уточнить и довести до ясности, т<ак> ч<то> “не-попутчики” отпадут сами собой. Я действительно и твердо намерен уйти, если перемены не предвидится. Но это — после возвращения в Париж, и кстати после письма это будет легче сделать. Очень жаль, но надо. Было бы хорошо составить для общего ухода “потрясающую экип”, как выражается Бродский» [13, b. 1] (курсив Адамовича — О.Д.).

Однако «Русские новости» оказались не единственным препятствием на пути создания новой газеты. Во-первых, не удалось положительно разрешить вопрос финансирования, и дело было не только в недостатке средств и меценатов, но и в том, что финансовая проблема тесно связывалась с проблемами политической и идеологической: раскол внутри парижской части диаспоры и принципиальные противоречия между Парижем и Нью-Йорком не способствовали достижению договоренности. Результатом этого раскола, а также личных амбиций ряда персон из предполагаемого круга участников явилась и невозможность образовать редакционную коллегию и обеспечить состав сотрудников.

Справедливости ради следует отметить, что план создания новой газеты многими исходно воспринимался как вполне утопический и с течением времени все более осознавался как таковой; ср., например, письмо Тэффи Бунину от 2 января 1950 г.: «Правда ли, что будет газета? Думаю, что не будет» [12, с. 603]. И сам Адамович по мере развития событий все больше склонялся к тому, чтобы счесть этот план нереализуемым, да и с самого начала понимал все сложности его реализации; см. его письмо Полякову от 8 февраля 1950 г. с первым упоминанием о проекте нового издания: «До Вас вероятно доходят слухи о том, в каких трудных родах собирается появиться на свет в Париже новая газета» [14, b. 1]. В письме от 14 апреля 1951 г. Адамович, которому прочили роль главного редактора¹⁴, очень подробно воссоз-

¹⁴ См., напр., письмо Бунина к нему от 18 февраля 1948 г., в котором автор иронически намекает на то, что Адамович, «слышно, будет скоро иметь свой “орган” при ближайшем участии Руманова, Маковского и Бурова» [10, с. 79–80].

дает «историю вопроса», подчеркивая, что сообщает эти сведения «в порядке дружеской информации», т. е., конфиденциально: «Когда ушел Ступницкий, все были уверены, что “Русс<кие> Нов<ости>” кончатся сейчас же. На следующий же день собралось несколько человек — Полонский, Михельсон, Татаринов и я, при подлинном “ближайшем участии” Бунина — и решили, что остаться при одном Зеелере и К° нельзя, и что это будет общий наш позор. Начали срочно искать деньги, кое-что сразу же нашли, думали, бегали — и тут выяснилось, что спешить нечего, т. к. “Рус<ские> Нов<ости>” пока не кончаются. Ратнер делает вид, что они вообще закрываться не намерены, но это чепуха, и если только они не получают денег из известного Вам источника, то закроются неизбежно и довольно скоро.

Так или иначе (даже и при “Р<усских> Нов<остях>”) мы решили газету выпускать, раз есть люди, которые согласны дать деньги (пока есть только половина того, что надо). Самое большое затруднение: кому быть редактором и отвечать за политику? Направление более или менее ясно: ни Гитлер, ни Сталин, — но где найти имя с нужным весом?» [14, б. 1] (курсив Адамовича — О.Д.). Далее Адамович просит у Полякова совета относительно возможных участников с американской стороны, выражая надежду и на его сотрудничество и обещая лояльность по отношению к «Новому русскому слову»: «У меня к Вам просьба: посоветуйте, кого пригласить из американцев. <...> Надеюсь, что Вы разрешите поставить Вас в списке сотрудников и что Вы “раскачаетесь” когда-нибудь что-нибудь написать. С “Нов<ым> Р<усским> С<ловом>” мы конечно будем в дружбе» [14, б. 1].

Оговорившись, что дело еще не сделано, «но по всем данным <...> будет сделано, если в последнюю минуту все не разругаются», Адамович с изрядной долей иронии описывает возможных участников с парижской стороны и занимаемую каждым из них позицию: «Влад<имир> Андреевич сидит на двух стульях сразу, чего-то не договаривает, но всем интересуется. Он между прочим вел переговоры с Атраном, который отнесся к его предложению без энтузиазма, но боится решительным отказом огорчить Кускову. Наша идея такая, что должны быть все бывш<ие> сотрудники rue Turbigo <т. е. «Последних новостей» — О.Д.>, и хотя Аминад говорит, что его участие зависит от размеров гонорара, но будет он писать наверно. Андрей Седых необходим, хотя бы на гастролях. Нет репортера, а найти его еще труднее, чем политического лидера. От Ратнера, даже если бы он просился, — отвод решительный, даже в качестве только техника. Это не мое мнение, я человек миролюбивый. Но его мало кто

терпит. Бунин, по-моему, мечтает о газете главным образом затем, чтобы насолить Зеелеру, Зайцеву и другим <т. е. редакции «Русской мысли» — О.Д.> [14, б. 1]».

В следующих письмах тон рассказов о газете становится все более пессимистическим¹⁵, и, наконец, в письме от 20 апреля 1952 г. Адамович признает: «На парижскую газету надо по-видимому окончательно поставить крест, если не случится чуда. А жаль» [14, б. 1]¹⁶.

С Бахрахом Адамович обсуждает связанные с созданием газеты проблемы более откровенно, проявляет большую настойчивость, призывая его соизмерять свои слова и поступки с учетом всех сложностей и ненадежности положения, связанных с противоречиями между заинтересованными сторонами, побуждая к более активным действиям, а временами и упрекая в чреватой провалом бездеятельности.

В недатированном письме августа 1949 г. передается первый разговор с Алдановым о новой газете: «Павловский предлагает 5 миллионов, но хотел бы газету ежедневную. На крайность согласен и на hebdomadaire <еженедельник — О.Д.>, но — как мы и сами

¹⁵ См., напр., письма от 28 декабря 1951 г. и 16 марта 1952 г.: «С газетой же, т. е. в проектах о здешней газете — “что-то лежит роковое”. Умер Зелюк, когда все налаживалось, а теперь Полонский, к которому Цвибак привез мецената. Я ему <предлагаю> Кантора, при поддержке всех здешних “столпов” (Бунин, Тэффи и др.). Вы, верно, морщитесь — но Кантор лучше других: он умный, все-таки деловой и идеально честный человек. Полонский, как я убедился, был более суетлив в делах, чем энергичен, — и даже при его жизни Кантор был бы кандидат не хуже, чем он. Кстати, и Кускова за него горой. Все это интересует меня полу-теоретически: я числа 20-го еду в Англию, до летних каникул. Но мне очень бы хотелось “вклинить” что-нибудь между Зеелером и Ратнером, которые один другого стоят <sic! — О.Д.>. Из Англии буду писать чаще в “Нов<ое> Р<усское> Слово”»; «Читаю “Н<овое> Р<усское> Слово” и думаю, что при теперешней русской “склоке” из-за шкуры далеко еще не убитого медведя, было бы крайне трудно издавать в Париже газету. (Это, между прочим, мнение Маклакова). Стоять в стороне, помалкивать — нельзя. Поддерживать? Все это слишком похоже на дон-кихотство, чтобы ясно было, на чью сторону стать, кто прав, кто виноват. Не знаю, м<ожет> б<ыть>, Вы думаете иначе. Но мое впечатление такое, что это больше “шумим, братец, шумим”, без всякого будущего. Если будущее будет, то совсем другое и, пожалуй, без нашего участия» [14, б. 1].

¹⁶ 12 ноября 1952 г., окончательно охладев к мысли о новой газете и отказавшись от возможной роли редактора, Адамович пишет: «Относительно газеты и Вашего вопроса, каково мое к ней отношение — пока ответить трудно. Слухи доходят до меня глухо, но очевидно <—> это предприятие Николаевского-Мельгунова: значит отношение мое — никакое. <...> С этими людьми трудно говорить потому, что они недоумение принимают за вражду. А все это — игра в солдатики, тем более оживленная, чем лучше оплачиваемая. Видите, я стал скептик и циник. Но по-моему, думают так и те, кто игрой занят» [13, б. 1].

знаем — испуган сметой Дон-Аминадо с Полонским. Редакторство Алданову не предлагали, и по его мнению, хочет им быть Полонский (коего он терпеть не может). Его самого звали в коллегию, но он отказался — “хочу посмотреть, что это будет за газета”. Павловский куда-то уехал, и сейчас дело заглохло» [13, b. 1] (курсив Адамовича — О.Д.).

24 августа 1949 г. Адамович сообщает о том, что «вчера опять имел долгий *entretien* <разговор — О.Д.> с Алдановым. Он, между прочим, считает, что если бы произошла счастливая перемена, то одной смены фамилии редактора мало — и надо непременно заявить о перемене курса. Это (по его мнению) и только это подрезало бы крылья Павловскому, и это (тоже по его мнению) дало бы возможность получить Маклакова *en qualité de* <в качестве — О.Д.> передовик. Но все это — мечты, мечты при нраве Суворова! По сведениям Алданова, последняя кандидатура в качестве редактора у Павловского — Д<он>-Аминадо. Но он запросит полмиллиона жалования, а во-вторых, это никакое имя для публики, кроме имени юмористического». [13, b. 1].

8 февраля 1950 г. Адамович советует Бахраху: «Пока дело висит еще на волоске, не надо никого отталкивать. <...> Боюсь, что газета вообще может преждевременно скончаться, из-за всех этих глупых склок», а 24 июля 1951 г. вновь пишет, что «с газетой — все по старому», и после подробного описания текущего положения дел подводит неутешительный итог: «Деятельность я развиваю бешеную, но “сулит мне труд и горе...”» [13, b. 1]. 8 августа 1951 г. выражает вполне обоснованное опасение, что они «уже пойманную птицу выпустили из рук, по общей нашей вялости. Вернее, Вашей и Полонского, п<отому> что я в сравнении с Вами — Везувий» [13, b. 1], а через полгода рассказывает о спорах по поводу кандидатуры на пост редактора, «освободившийся» после смерти Я.Б. Полонского, завершая этот пассаж фразой: «Не знаю, что из всего этого выйдет» [13, b. 1].

16 февраля 1952 г., после того как в очередной раз не удалось договориться о программе газеты и возможном составе редколлегии (кандидатура Адамовича в качестве главного редактора уже не рассматривалась), вновь актуализируется тема запятнанной репутации, которую Адамович грустно-иронически обыгрывает, предельно откровенно выражая свое отношение ко всем политическим противостояниям и внутриэмигрантским склокам: «Два слова о газете. Насколько я твердокаменен в принципах — Вы знаете сами. <...> Но меня никто в газету не приглашал. Скажу Вам правду, что, опозорившись в одном месте, почему бы не опозориться и в другом? Если бы

мне предложили что-нибудь выгодное и лестное, я едва ли бы ломал комедию с принципами. <...> Честное слово, я не могу притворяться, что я столп непримиримости и общественной морали, когда мне все равно, о чем передовая статья. Вас, м<ожет> б<ыть>, возмутит этот цинизм. Но я не вижу и цинизма. Всякая политика — грязь, о чем есть верный афоризм у П. Валери. И я чувствую себя достаточно запачканным, чтобы играть в недотрогу» [13, б. 1].

В письме от 26–28 марта 1953 г. становится вполне очевидным растущее раздражение Адамовича, вызванное не только затянувшейся историей с созданием газеты, но и исходящими от разных лиц противоречивыми сведениями и слухами, ср.: «Насчет газеты — *très vague* <весьма расплывчато — О.Д.> и отчасти в виду неясности общего положения и возможности американских желаний не дразнить тигра, явно поджавшего хвост. Вчера был у Бунина: он говорит, что газеты не будет. Но эти сведения у него от Алданова, который мне пишет совсем другое, и Бунин явно что-то путает. Алданов сообщил мне (уже из Ниццы) что завтракал с Николаевским, говорил с ним обо мне и “еще нескольких литераторах”, и Николаевский выразил радость, готовность, но сказал, что решение зависит не только от него. На что я Марку Ал<ександрови>чу ответил, что мне довольно противны их колебания и опасения, что с Мельгуновым я во всяком случае дела иметь не могу (да он и не захочет), что мне все равно, кто будет редактор (кроме Мельгунова), что я очень рад в газете писать, но что сам ни одного шага не сделаю и никаких авансов не “эскиссирую”, как выражается Маковский. <...> В общем — это ящик очень долгий, и даже если бы что-нибудь и вышло, рассчитывать на это нельзя» [13, б. 1].

Наконец, 19 апреля 1953 г. Адамович подводит печальный итог: «Газета, по-видимому, лопнула, отчасти по причинам высокой политики, отчасти из-за склоки всех Мельгуновых, Николаевских и К°. Влад<имир> Андреевич говорит, что лопнула наверно и окончательно, Кантор говорит — “откладывается”. Но pour le moment <на данный момент — О.Д.> — ничего нет и не предвидится» [13, б. 1].

В письме Полякову от 11 февраля 1956 г. Адамович сообщает о том, что новый редактор «Русской мысли» С.А. Водов, намеренный перестроить газету на демократический лад, настоятельно приглашает его к сотрудничеству в ней¹⁷, и спрашивает у Полякова совета, доста-

¹⁷ «На Рождестве, в Париже, я два раза виделся с Водовым, теперь единоличным редактором “Русской Мысли”. Вы, вероятно, слышали о его желании перестроить газету на “демократический” лад. Он говорит, что при Зеелере и К° страдал от их грубости

точно откровенно объясняя свою позицию: «Я знаю, что Вы человек страстный, а я “к добру и злу постыдно равнодушен” гораздо больше, чем Вы. <...> Не сомневаюсь, что мои многие “друзья” воспользуются случаем позлословить и даже поклевветать. Мне это — все равно. Не скрою и того, что мне скорее хочется сказать “да”, *п<отому>* что хотя есть “Н<овое> Р<усское> Слово”, но Париж это Париж, и все тут рядом, под боком, а не где-то за тридевять земель, как на другой планете. Но *вне всех этих соображений*, как по-Вашему: да или нет? Я очень верю Вашему чутью, правда с поправкой на страстность и нетерпимость. Совместить “Р<усскую> М<ысль>” с “Н<овым> Р<усским> С<ловом>” по-видимому можно, раз там пишет Терапиано и другие» <курсив мой — О.Д.> [14, б. 1].

С марта 1956 г. Адамович становится постоянным сотрудником «Русской мысли», регулярно публикуя статьи о советской литературе, о литературе эмиграции, в частности, о поэзии «парижской ноты», о балете, о кино, мемуарные фрагменты¹⁸. А 29 апреля 1956 г. пишет Бахраху о возможности и желательности его участия в газете; ср.: «Звонил ли Вам Водов? Если не звонил, поговорите об этом деле с Кантором, которого я с Водовым свел и кот<орый> обещал у него быть для всяких газетных бесед. <...> А я совсем буду себя там иначе чувствовать, если будете и Вы»¹⁹ [14, б. 1].

Однако достаточно скоро сделалось очевидным, что и «обновленная» «Русская мысль» по содержанию и, главное, по общему тону значительно уступала не только демократической межвоенной га-

(в частности, в инциденте с Буниним), черносотенства, но выполнял роли только технические. Теперь он — царь, и хочет царствовать в духе Милюкова и “Посл<едних> Нов<остей>”. Но у него — всяческие затруднения. Все “демократы”, к кому он обращался — в частности, Алданов, — говорят: да, *pourquoi pas* <почему бы и нет — О.Д.>, но пусть у Вас сначала появится такой-то, дабы сомнений в демократичности “Р<усской> М<ысли>” больше не было. А эти “такие-то” — Вишняк и др., даже Маклаков, — отвечают то же самое, и получается порочный круг. Водов очень обескуражен, и не знает, что делать. Лично о моем сотрудничестве у меня были с ним разговоры уклончивые, и я тоже держался линии “*pourquoi pas?*”, без чего-либо определенного. Вчера я от Водова получил письмо с просьбой ответить: да или нет?» [14, б. 1].

¹⁸ Полный корпус опубликованных в газете текстов Адамовича см.: [9].

¹⁹ Впоследствии Адамович, заинтересованный в том, чтобы иметь в газете единомышленника и союзника, не раз выступал в роли посредника между Бахрахом и редакцией, пытаясь сгладить возникавшие между ними противоречия, вызванные несовпадением взглядов обеих сторон по поводу тематики, стилистики и общего тона публикуемых материалов; ср., напр., его письмо Бахраху от 27 января 1957 г.: «Получил вчера Ваше письмо, а отвечаю немедленно не только из-за дружбы, но и из-за Водова, считая себя в этом деле Вашим духовным отцом, а Вас — моим крестником. Я никак не согласен с Кантором, что материал для юмора можно извлечь и из

зете Милюкова, но и просоветским «Русским новостям». 12 октября 1956 г. Адамович достаточно осторожно пишет Полякову: «Видите ли Вы “Русскую Мысль”? Она все лучше и лучше, но остается душок провинции, — не знаю, согласны ли Вы. У Ратнера <т. е. в «Русских новостях» — О.Д.> политика хуже, но общий тон столичнее», предусмотрительно добавляя: «Но все это — “между нами”, пожалуйста. А то сплетни идут в Нью-Йорк и с обратной почтой возвращаются в Париж: знаю по опыту» [14, б. 1].

Через месяц, 18 ноября, он высказывается более определенно как о самой газете, так и о причинах, обусловивших ее качество: «Относительно “Р<усской> Мысли” — увы, по-видимому, вся беда именно в редакторе. Он — милый и скромный человек, даже не глупый <...> но общий тон газеты отдает Чухломой. Впрочем, и уровень читателей резко понизился, так что газета должна им быть по вкусу» [14, б. 1]²⁰.

С точки зрения прагматической и репутационной сотрудничество в парижской газете демократического направления оправдало ожидания Адамовича: он получил возможность обращаться к русским парижанам без посредства выходивших в США изданий эмиграции, а политическая ориентация «Русской мысли» защищала его от дальнейших упреков в просоветских симпатиях со стороны эмигрантской общественности. Однако с точки зрения интеллектуальной и эстетической газета Адамовича довольно быстро разочаровала. Впрочем, этого вполне можно было ожидать, учитывая изменившиеся внешние обстоятельства: ни публиковавшиеся в «Русской мысли» материалы, ни ее стиль, ни культурные запросы послевоенной читательской

“Times’a”, а с Водовым — что надо бояться Гукасова. Сначала о “Times’e”. Конечно, смешного много и в высокой международной политике. Но эмигрантский смех над ней жалок, потому что комически бессилён и безрезультатен. <...> Комизм возникает от диспропорции, и в данном случае это обратится против Вас. Оставайтесь в сферах местных, или вообще эмигрантских, а иногда — советских, но Эйзенхауэров не трогайте, ради Бога! Советское — тоже диспропорция, но по крайней мере здесь Русью пахнет, своим болотом. <...> Надеюсь Вы, дорогой мой друг, не посетуете на мои советы. Я — от лучших чувств. Надо чтобы сразу было хорошо и чтобы был разговор: кто этот новоявленный гений?» [13, б. 1].

²⁰ Ср. значительно более резкую оценку газеты и сотрудников в письме Бахраху от 16 мая 1956 г.: «Что касается “Р<усской> Мысли” то Ваш ужас от ее серости я разделяю, но не считаю это препятствием к участию, а скорее поощрением. К тому же демократизм ее стал столь радикален, что даже Алданов пишет мне — “не ожидал и приветствую”. Водов Вас не приглашает или по 1) недомыслию 2) экономии 3) самое вероятное — чьим-либо проискам, м. б. Шика, который боится, что у него отпадет какая-нибудь его рубрика. Кстати, он-то и есть чемпион серости и малограмотности. Недавно его статейка начиналась так: “Иллиада” Гомера — одно из известнейших произведений мировой литературы» [13, б. 1].

аудитории, которыми газета руководствовалась, не выдерживали сравнения с уровнем межвоенных «Последних новостей».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Белобровцева И.З. Леонид Зуров. В тени Бунина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2020. 240 с.
2. Демидова О.Р. Еще раз о маске: Образ автора в письмах Георгия Адамовича // Потаенная литература. Исследования и материалы. Иваново: Ивановский государственный университет, 2000. Вып. 2. С. 153–162.
3. Демидова О.Р. Изгнание как послание: Эстетизм и этос русской эмиграции. СПб.: Русская культура, 2015. 352 с.
4. Конфликт М.С. Цетлиной с И.А. Буниным и М.А. Алдановым / публ., вступ. ст. и коммент. М.В. Пархомовского // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе. / сост. и изд. М.В. Пархомовский. Иерусалим: [Б. и.], 1995. Т. IV: 1939–1960. С. 310–325.
5. Литературная энциклопедия русского зарубежья 1918–1940: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. 640 с.
6. Ляпсусы и казусы в европейской эпистолярной культуре / отв. ред. А.В. Стогова, ред. А.Ю. Серегина. М.: ИВИ РАН, 2016. 250 с.
7. Todd III У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / пер. с англ. И.Ю. Куберского. СПб.: Академический проект, 1994. 207 с.
8. Hagglund Roger. Georgy Adamovich: An Annotated Bibliography — Criticism, Poetry, and Prose, 1915–1980. Ardis: Ann Arbor, 1985. 102 p.

Источники

9. Адамович Г.В. Собрание сочинений: в 18 т. М.: Дмитрий Сечин, 2018. Т. 11: Литература и жизнь («Русская мысль»: 1956–1972) / сост., вступ. ст., коммент. Т. Климовой, О. Коростелева, С. Федякина. 690 с.
10. Переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (1926–1961) // И.А. Бунин: Новые материалы / сост., ред. О.А. Коростелева, Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. Вып. 1. С. 8–164.
11. Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1939–1948 / публ. Р. Дэвиса и Э. Хейбер // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2001. Вып. 2. С. 477–584.
12. Переписка Тэффи с И.А. и В.Н. Буниными. 1948–1952 / публ. Р. Дэвиса, Э. Хейбер // Диаспора: Новые материалы. СПб.: Феникс, 2002. Вып. 3. С. 536–626.

13. The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff). Mss Coll. Bacherac. Box 1. Adamovich. Folders 1–16.
14. The Archive of Russian and East-European History and Culture (Bakhmeteff). Mss Coll. A.A. Poliakov. Box 1. Folders 1–18. Adamovich.

REFERENCES

1. Belobrovtsseva, I.Z. *Leonid Zurov. V teni Bunina* [Leonid Zurov. In Bunin's Shadow]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2020. 240 p. (In Russian)
2. Demidova, O.R. "Eshche raz o maske: Obraz avtora v pis'makh Georgiia Adamovicha" ["One More Time about a Mask: The Author's Image in Georgii Adamovich's Letters"]. *Potaennaia literature* [Hidden Literature], vol. 2. Ivanovo, Ivanovo State University Publ., 2000, pp. 153–162. (In Russian)
3. Demidova, O.R. *Izgnan'e kak poslan'e: Estezis i etos russkoi emigratsii* [Exile as a Mission; Russian Emigration Aesthetics and Ethos]. St. Petersburg, Russkaia kul'tura Publ., 2015. 352 p. (In Russian)
4. "Konflikt M.S. Tsetlinoi s I.A. Buninym i M.A. Aldanovym" ["M.S. Tsetlina's Conflict with Ivan Bunin and Mark Aldanov"], publ. and comment. by M.V. Parkhomovskii. *Evrei v kul'ture Russkogo Zarubezh'ia. Stat'i, publikatsii, memuary i esse* [Jews in Russian Culture Abroad. Articles, Publications, Memoirs, and Essays], comp. by M.V. Parkhomovskii, vol. IV: 1939–1960. Jerusalem, [N. e.], 1995, pp. 310–325. (In Russian)
5. *Literaturnaia entsiklopediia russkogo zarubezh'ia 1918–1940: v 4 t.* [The Literary Encyclopaedia of Russia Abroad 1918–1940: in 4 vols.], vol. 2: Periodika i literaturnye tsentry [Periodicals and Literary Centers]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 640 p. (In Russian)
6. Stogov, A.V., editor. *Liapsusy i kazusy v evropeiskoi epistoliarnoi kul'ture* [Mistakes and Incidents in European Epistolary Culture]. Moscow, IWH RAS Publ., 2016. 250 p. (In Russian)
7. Todd III, U.M. *Druzheskoe pis'mo kak literaturnyi zhanr v pushkinskuiu epokhu* [A Letter to Friends as a Literary Genre in the Age of Pushkin], trans. by I.Iu. Kurbetskii. Hagglund, Roger. *Georgii Adamovich: An Annotated Bibliography — Criticism, Poetry, and Prose, 1915–1980*. Ardis, Ann Arbor, 1985. 102 p. (In English)

Дата поступления статьи: 30 сентября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 03 марта 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: September 30, 2021

Approved: March 03, 2022

Date of publication: October 07, 2024